

Ученый совет

В.М. Межуев. Философия как феномен культуры

Я не являюсь, как все здесь знают, историком философии и не могу конкурировать со многими, присутствующими здесь, в знании современной западной философии. Но думаю, никакое знание западной философии не сделает нас западными философами, равно как знание китайской философии, сколь бы глубоким оно не было, не сделает нас китайскими философами, а знание ислама - мусульманами. Но и оставаясь самими собой, мы, как мне кажется, пока еще не в состоянии говорить с западными философами наравне: мы можем задавать им вопросы, можем спорить с ними, но вряд ли будем ими услышаны. Мне неизвестно, чтобы кто-то из крупных западных философов всерьез спорил или соглашался с нами, ссылаясь на русские философские источники. Нас могут вежливо выслушать, но не более того. Вряд ли в нас видят полноправных участников современного общеевропейского философского диалога. И причина тому - не в отсутствии у нас философских талантов, а в чем-то совершенно другом. В этом я и хотел бы разобраться в первую очередь.

В области математики, физики, биологии, других наук современные российские ученые вполне стоят на уровне своих западных коллег, даже получают Нобелевские премии. А вот в философии — почему-то не так. Мы явно не можем сравняться с западными философами в популярности и значимости выдвигаемых нами идей, хотя, повторяю, многие из нас неплохо осведомлены в их взглядах. Недаром наиболее процветающая отрасль философского знания у нас - это история философии, причем история, прежде всего, европейской философии. Похоже, в философии мы все еще только ученики.

В отличие от русской литературы и искусства русская философия — даже дореволюционная - так и не стала органической частью общеевропейской культуры, не нашла за рубежом признания и поддержки. Философские представители первой волны русской эмиграции, среди которых были и выдающиеся умы, за редким исключением (типа, например, А. Кожева) оказались вне поля зрения западной философской мысли, воспринимались ею, скорее, как философствующие на почве православия маргиналы, чем как современные мыслители. Что уж говорить о философам более позднего поколения. Какое русское имя является для Запада философским авторитетом? Почему в науке мы худо-бедно выдерживаем конкуренцию, а в философии нет?

Все дело, как мне кажется, именно во времени, которое отделяет нас от Запада. Я имею в виду, конечно, не хронологическое время, а историческое. В науке оно не имеет такого значения, как в философии. Мы как бы живем с Западом в разных временах. От Запада, по моему мнению, нас отличает разное отношение к современности, к тому, что принято называть модерном и что Хабермас называет «философским дискурсом о модерне». У нас с Западом на этот счет разные дискурсы. Не буду вдаваться здесь в дискуссию о том, что понимать под словом «модерн», ограничусь его общеупотребительным пониманием как рационализации всех форм жизненного поведения человека. Под ним же можно понимать и практическую реализацию идей Просвещения. Насколько я понимаю, западная философия в своей значительной части развивается сегодня под знаком критики и преодоления модерна, выхода в какое-то новое состояние, называемое постмодерном. А вот мы до сих пор в этот модерн никак попасть не можем. Предпринимаем для этого огромные усилия, но какая-то еще более мощная сила выталкивает нас из этого модерна обратно.

Живя в России, трудно представить, как выглядит мир постмодерна. Мы смотрим на него глазами Запада, судим о нем по западной литературе. Ведь мы и в модерне по-настоящему пожить не успели. Вот уже триста лет модернизируемся, но никак не можем довести этот процесс до конца. Такое впечатление, что Россия – страна перманентной модернизации, которая временами то вспыхивает, то угасает.

Что же мешает России стать современной страной, войти в модерн? Для этого Европе, как известно, потребовалось пройти через три «двери», первая из которых - Возрождение, вторая — Реформация, третья — Просвещение. Все вместе заняло у нее примерно лет пятьсот. Мы же не прошли ни через одну. У нас не было своего Возрождения, своей Реформации, ну, а Просвещение остановилось где-то на полпути, затронув лишь верхний слой российского общества. Дальше не пошло. Соответственно и философский дискурс в России, как он сложился в XIX веке и во многом сохраняется сегодня (при наличии, конечно, отдельных исключений), обрел во многом не модернистскую (тем более не постмодернистскую), а антимодернистскую направленность, т.е. характеризуется полным неприятием модерна ни в его гуманистической, ни в протестантской, ни в просветительской версиях. Если ранние славянофилы (Хомяков, братья Киреевские) еще как-то и пытались разработать русский проект модерна, получивший впоследствии название «русской идеи», то, начиная с Данилевского и вплоть до евразийцев, идея «русского модерна» перерастает в идею «антимодерна», ставшую оплотом русского консервативного национализма. Сегодня эта идея все более завладевает массовым сознанием (по социологическим опросам, около 70% россиян не

считают себя европейцами) и берется на вооружение определенной частью политических экспертов, работающих на власть.

Невосприимчивость к модерну видна даже по нашей литературе, не принявшей ренессансного гуманизма. Бердяев считал, что если у нас и были гуманисты этого типа, то только Пушкин. Остальная литература от Гоголя до Достоевского и Толстого пошла не по пушкинскому пути. Негативное отношение к Возрождению характерно для большинства русских религиозных мыслителей и философов, вплоть до Лосева. Аналогично обстоит дело и с Реформацией. Отношение к протестантизму и его этике в русской мысли хорошо известно. Исключение составляют, конечно, русские западники (от либералов до социал-демократов), но все знают, какова их судьба в России. Сегодня весьма модно ругать как тех, так и других. Не буду об этом долго говорить. Русская критика модерна в отличие от западной критики тяготеет не к новому, а к старому – традиционному миру, объединенному силой церковного и государственного авторитета, единством веры и власти, т.е. православием и самодержавием. Если, современный западный интеллигент в большинстве своем если не модернист, то постмодернист, то наш, как правило, — антимодернист. В политике же он — правый консерватор, националист и державник, причем часто независимо от того, к какой политической партии принадлежит. Сегодня это видно как никогда раньше. Среди огромной плеяды русских дореволюционных философов наша власть и близкая ей часть интеллигенции не нашли для себя лучшего кумира, чем Иван Ильин. Это русский философ-националист, известный тем, что в 1934 г. вознес хвалу Гитлеру и нацизму. Впоследствии он, правда, попытался занять нейтральную позицию, но именно ему принадлежат слова о том, что на Гитлера не надо смотреть глазами евреев, что геноцид — несущественная мелочь по сравнению с величием нацистского замысла. Краткий эпизод из биографии Хайдеггера, связанный с его сотрудничеством с нацистским режимом, выглядит по сравнению с этими словами не сознательным убеждением, а всего лишь временным заблуждением, которое ему, правда, до сих пор не могут простить. Ильину же мы все списали в благодарность за его патриотизм.

Я не хочу ставить антимодернистский дискурс ни в упрек, ни в заслугу России. Очевидно, иным он пока быть не может. История, в конце концов, рассудит, куда ведет этот дискурс, — к победе или к поражению. Я не собираюсь пророчествовать на эту тему. Меня интересует, честно говоря, другое — какой в контексте каждого из этих дискурсов — модернистского, постмодернистского и антимодернистского — предстает философия. По моему мнению, понимание того, чем должна быть философия, прямо зависит от этого контекста. Ясно одно, и в своем антимодернистском, и в

постмодернистском варианте она оказывается в резко критическом отношении к модерну, хотя эта критика ведется в обоих этих вариантах с разных позиций. Для постмодернистов модерн неприемлем в силу своего тяготения к унификации жизни, логоцентризму, идеологическому монизму. Для антимодернистов — своим излишним индивидуализмом. Прямо скажем, взаимоисключающие претензии, хотя в своем противостоянии модерну они, действительно, вскрывают его главный недостаток — неспособность сочетать индивидуальное и общее, многообразие и единство, свободу и власть. Предпринятая классической (просветительской) философией попытка разумного примирения этих противоположностей, позволяющая идеологически оправдать и обосновать модерн, оказалась в глазах пост- и антимодернистов несостоятельной. Если первые на этом основании справляют «поминки по Просвещению», то вторые стремятся предотвратить его роды, так сказать, абортировать его.

В нынешней России вопрос о том, как сочетать экономическую и политическую модернизацию с неприятием модерна на уровне философской мысли, остается открытым. Ответ, к которому склоняются сегодня многие российские интеллектуалы, можно сформулировать, как отказ от модернизации, во всяком случае в ее западном варианте. Хотя, честно говоря, я, как и они, плохо представляю, о каком другом варианте модернизации может идти речь. Как сочетать модернизацию с нашей традицией, антимодернистской по своему духу? Пусть мне объяснят, что такое рынок, демократия, гражданское общество, правовое государство по-русски, о чем так любит сегодня рассуждать наша власть и ее идеологи.

Русский модерн, как известно, существовал когда-то и в искусстве. Но чем он отличался от западного модерна? У меня нет ответа на этот вопрос, как нет его и у наших антимодернистов, которые отрицают модерн, в пользу, естественно, не постмодерна, а, если так можно выразиться, до-модерна, означающего возврат к состоянию, предшествующему модерну. И не потому ли наша модернизация больше смахивает, по выражению Стивена Козна, на демодернизацию, на возврат к Средневековью, но не к тому, о котором когда-то мечтал Бердяев, а к нашему отечественному, традиционному, проникнутому духом «византизма» в государственной и религиозной жизни.

На состояние философской мысли такое положение вещей сказывается самым прямым образом. Она все больше обретает характер не оригинального философствования в характерном для модерна духе свободомыслия и индивидуального авторства (с учетом, разумеется, всего богатства мировой философской культуры), а обезличенного пересказа избранной темы, в котором авторскую речь трудно отличить от любой другой. Сейчас многие предпочитают писать учебники с их бесконечным перечислением разных точек зрения, а сама философия

делится у нас не по направлениям и школам с их признанными лидерами, а по отдельным дисциплинам, между которыми не видно никакой объединяющей их связи. Кто-то занимается философией науки, кто-то логикой, кто-то моральной, политической, социальной философией и так до бесконечности. Почему все это называется философией, никому не ведомо. Если Гегель, создавая свою «энциклопедию философских наук», руководствовался своим пониманием общих целей и задач философского знания (в том же духе работали другие крупные философы современности, совмещавшие в себе логиков, этиков, эстетиков, историков философии и пр.), то что объединяет у нас разные области философского знания? Как их отличать друг от друга не по предмету, а по стилю, методу, направлению философской работы, по выраженному в них философскому мировоззрению? В большинстве выходящих у нас философских работ есть предмет, которому они посвящены, но нет уникального и неповторимого авторского лица со своей не только манерой письма, но и индивидуальным видением и пониманием окружающего мира. Иными словами, философов много, но нет того, что называется философией, – школы или направления со своей особой концептуализацией мира и собственной проблематикой. К какому философскому направлению можно причислить большую часть наших философов? И какую в таком случае философию они преподают студентам? Философию на любой вкус? Но такой не бывает. Дореволюционная русская философия и лучшие образцы советской (марксистской) философии уже в прошлом, а их достойного продолжения я пока не вижу. Наши философы напоминают порой рядовых научных сотрудников, сообща разрабатывающих какую-то частную тему (по гранту или по рабочему плану) и выражающих свои представления о ней вне какого-либо общепризнанного контекста. Из подобного творчества, как мне кажется, никогда не вырастет философия большого стиля. Оно либо пытается уподобить себя обычной научной работе, не очень чувствительной по части индивидуального самовыражения (и потому, как правило, проигрывает в соревновании с нормальной наукой), либо отдает дань архаике с ее приоритетом коллективного мнения над индивидуальным. Но в таком качестве философия перестает быть философией, достойной внимания современников и занимающей особое место в современной культуре.

Чтобы стать современной, философия, как известно, должна была освободиться от власти религии, от своей роли служанки теологии. Речь шла не об отрицании ею религии, а об установлении границы, отделяющей философский разум от религиозной веры. Помощником и союзником философии в этом деле стала родившаяся в ХУІІ веке современная наука. Вся классическая философия хотела быть наукой по преимуществу, или даже первой наукой. Философская

классика Нового времени и есть, на мой взгляд, попытка, освободив философскую мысль от средневековой схоластики, облечь ее в научную форму. Неудача этой попытки, обнаружившаяся чуть позже, и стало началом кризиса (или даже концом) классической философии. Осознание этой неудачи имело своим следствием возникновение философского постмодерна.

Антимодерном в философии я называю обратную попытку вернуть философию под власть традиционного религиозного сознания. Нынешнее философское увлечение восточными религиями – из той же серии. Я понимаю, что навлеку на себя критику подобными утверждениями, но таково мое мнение. Любое обращение философии к донаучным формам мышления – мифу, религии, оккультизму, магии и пр. – с целью не их критики, а восстановления и возрождения, есть для меня проявление все того же антимодернистского дискурса. Когда повсюду открываются церкви (против чего я, конечно, ничего не имею), но при этом закрываются научные институты, становится ясно, что мы движемся не в модерн, а в какое-то противоположное ему состояние. На положении философов в таком обществе это сказывается прямым образом. Легко представить, что в ближайшее время их заменят в школах и университетах проповедники закона Божьего. И тогда по всем вопросам, которые решались до сих пор философами, окончательные суждения будут выноситься уже не ими, а служителями Церкви.

Но и постмодернистский дискурс в какой-то мере ведет к утрате философией своего места в обществе. Вчера я слушал доклад итальянского профессора Ваттимо и хотел бы сказать о нем несколько слов. У меня было желание задать ему вопрос, но я постеснялся. Постмодернист, как я его понял, — это истинный христианин, верующий человек, поскольку бытие дано человеку не в акте познания, а как акт чистой веры. Проще говоря, постмодернизм — это окончательное преодоление язычества, высшим выражением которого была античная философия с ее апологией объективного мира как предмета знания. Но если бытие дано нам в акте веры, то тогда оно нам не просто дано, а, как он выразился, подарено, т.е. является даром, а не данностью. А раз наше бытие - это дар, то возникает понятное желание отблагодарить того, кто этот дар сделал. Соответствующее нашему бытию чувство благодарности - совсем другое отношение человека к миру, чем то, которое рождается в акте познания. Это даже не вера в догмат воскресения Христа. Это просто вера в то, что есть некая сила, более высшая, чем мы, которая нам дала в дар бытие и по отношению к которой мы можем испытывать только чувство глубокой благодарности. И тогда существование человека в контексте бытия — это акт чистой любви и ничто другое. Этот акт лишен всякого элемента корысти и личной заинтересованности. Так я понял профессора

Ваттимо. Кладя в основу человеческого бытия бескорыстную любовь, он, наверное, потому и называет себя последним итальянским коммунистом. В отличие от П. Негри, считающего себя последним планетарным коммунистом. Но у меня возник вопрос к нему. Если постмодерн основан исключительно на акте веры, то где здесь место философии? Если постмодерн — это конец любой метафизики, то может ли быть неметафизическая философия? И как она возможна в эпоху постмодерна с его отказом от больших нарративов? Не должна ли философия, в конце концов, уступить свое место в познании науке, а в практической жизни — культу любви или еще какому-то другому культу?

Подобный вопрос задали когда-то Хайдеггеру. В одном из последних интервью его спросили, как он относится к тому, что престиж философии в системе университетского образования падает, а многие считают занятие философией совершенно бессмысленным делом. Хайдеггер ответил, что это тот вопрос, над которым он постоянно думает. Философия для меня, пояснил он, — опыт автономного и творческого существования, который, конечно, совершенно не нужен современному человеку. Философия, как можно понять Хайдеггера, — не выход в какую-то иную по сравнению с наукой область знания, а просто искусство жить собственной жизнью, опыт, так сказать, переживания собственного бытия, выражаемого посредством слова. Но чем же тогда философия является как профессия, чем она отличается, например, от поэзии? На этот вопрос пусть ответят сами постмодернисты: мне за них это трудно сделать.

Постмодерн, как я его понимаю, — это тоже конец философии. Если в антимодерне она оказывается на службе у религии, то в постмодерне, который Ваттимо считает завершением христианской эры, ее тоже нет. И тогда, по моему мнению, — у меня, к сожалению, нет времени рассуждать на эту тему — философия возможна только в эпоху модерна. Вопрос лишь в том, как понимать модерн. Мне более близка позиция Хабермаса, усматривающего в просветительском разуме незавершенный модерн. Хабермас, насколько я его понял, предлагает иную перспективу социального развития — не завершение модерна, а его переход в новое качество, характеризующееся особым типом межличностной коммуникации и общения. Это не модерн эпохи Просвещения, а какой-то другой модерн, суть которого также составляет разумное действие, имеющее, однако, характер уже не трансцендентального (исходящего от абстрактного субъекта), а интерактивного, или коммуникативного, действия, связующего в процессе общения конкретных индивидов.

Нельзя не отметить, что размежевание философии не только с религией, но и с просветительским (научным) разумом начался с возникновения в XIX веке наук о культуре. С этого момента вопрос о

сути и смысле философской работы приобрел новое звучание. Пока существовали только науки о природе, философия как бы находила для себя нишу в человеческом познании. Все, что сверх природы, она считала своим предметом. А вот когда и сверхприродный мир – мир человеческой культуры - стал предметом научного познания, перед философией, действительно, встал острый вопрос – что же дальше? Не обречена ли она остаться всего лишь служанкой науки – логикой и методологией научного познания, научной эпистемологией и пр.? На этом особо настаивали неокантианцы. Многие так думают и сегодня. Философия, как король Лир, раздала все свои владения, детям. Где же теперь ее царство? Ясно, что не в области познания сущего: эта область целиком ушла в науку. Если в начале эпохи модерна философия стремилась эмансипироваться от религии, то в позднем модерне перед ней возникла задача каким-то образом эмансипироваться и от науки. Речь, повторю, идет не об отрицании философией религии и науки, а о проведении между ними и философией какой-то более или менее отчетливой демаркации. Именно в постклассической философии (особенно в философии жизни и экзистенциализме), переставшей рядиться в научные одежды, стало ясно, что философия что-то значит и сама по себе, безотносительно к религии и науке, что она занимает в европейской культуре свое особое место, на которое не может претендовать никто другой.. Если она - не метафизика, то во всяком случае «мета», пусть не физики, а чего-то другого.

Чтобы закончить выступление, я коротко изложу свою главную мысль. В ситуации осознанной современной наукой множественности культур философия сохранила за собой функцию культурного самосознания человека, осознания им своей культурной идентичности, или своего бытия в культуре. Если наука дает знание о разных культурах, сколько их есть на свете, то философия есть знание человека о своей культуре, точнее, о том, что он считает для себя своей культурой. А в основе такого самосознания всегда лежит акт свободного выбора. Если бы мы в культуре, которую считаем своей, зависели только от того, что нам предшествует во времени, предписано местом, в котором мы родились, нашим происхождением, окружением и даже языком, т.е. чисто внешней по отношению к нам необходимостью, чем бы мы тогда отличались от бабочек в гербарии, которым природа предопределила быть тем-то и тем-то? Но ведь кое-что в культуре, с которой мы себя отождествляем, зависит и от нас самих, от нашего собственного выбора. В культуре, которую каждый из нас считает своей, мы, конечно, многое берем из прошлого своей страны и народа, здесь не о чем спорить, но ведь в нашем прошлом есть и что-то такое, что нам может не нравиться, от чего мы хотели бы отказаться, тогда как у других народов мы постоянно заимствуем и перенимаем то, что нам больше подходит на сегодняшний день. Все мы

свободны в своем культурном выборе. Вот здесь и открывается поле для нашего философствования. Все что существует в культуре по необходимости, - предмет науки, все, что предопределено в ней нашей свободой, – предмет философской рефлексии. В культуре - во всяком случае, европейской - философия отвечает не за наше знание о ней, а за наше бытие в ней. Именно посредством философии (а не только мифологической или религиозной веры) человек европейской культуры с момента ее возникновения осознавал свою культурную идентичность, отличал себя от людей другой культуры.

Философии, как я ее понимаю, в составе европейской культуры и есть орган самосознания свободного человека – свободного политически и духовно. Такой она родилась, такой остается и по сей день. Если религия, коротко говоря, призвана сделать нас добрыми, а наука - сильными, вооружив знаниями и технологиями, то добро и сила, вера и знание могут сочетаться друг с другом только в акте свободы. А вот инстанцией, которая отвечает в культуре за эту свободу, доводит факт индивидуальной свободы до сознания человека, как раз и является философия. Она как бы располагается в промежутке между религией и наукой (потому ее и тянет то в одну, то в другую сторону), но в своем собственном существовании есть не что иное, как самосознание свободного человека, относящегося критически к любой попытке со стороны как религии, так и науки полностью подчинить себе его сознание и волю. Поэтому отношение общества к философии есть, на мой взгляд, главный показатель того, насколько индивидуальная свобода стала для этого общества культурной ценностью. Если общество не нуждается в свободе, если, перефразируя Гегеля, история есть прогресс по пути не свободы, а власти, как о том многие говорят сегодня, философия, действительно, не нужна. На этом я и закончу, хотя о многом, конечно, не успел сказать.

Гусейнов А.А. — Спасибо, Вадим. Пожалуйста, есть какие-то вопросы? Если не вопросы, то реплики... Пожалуйста, Пиам Павловна.

Гайденок П.П. — Очень сильный тезис высказал Вадим Михайлович в своем очень интересном докладе... Тезис такой, что сама философия родилась в эпоху модерна. На этом тезисе, как мне показалось, строится весь доклад Вадима Михайловича. У меня возникает в этой связи вопрос — а куда же нам тогда деть философию античную — Платона, Аристотеля, Плотина, Августина... Августина могу исключить, поскольку это близко к теологии... но, насколько я понимаю, и средневековая философия в лице наиболее крупных средневековых философов была сформирована под влиянием античной философии, особенно Аристотеля, если мы берем Фому Аквинского. И даже новоевропейская философия тоже испытала на себе колоссальное влияние и Платона, и Аристотеля. Поэтому у меня возникает вопрос —

а что, в античности не сформировалась философия? Вот это мой основной вопрос.

Апресян Р.Г. — Вадим Михайлович, я хотел задать тот же самый вопрос, совершенно у меня это впечатление шло со второй половины доклада, и я обратил на это внимание через другие слова, Вадим Михайлович, когда Вы говорили, что философия эмансипировалась. То есть уже и в новое время философия вступала и обретала свое качество какое-то. И интересно перенестись к прошлому докладу нашему на этом семинаре, где было заявлено о возможности разных философий. И мое впечатление, Вадим Михайлович, что когда Вы утверждаете единственность философии, вот если вслушиваться, о чем Вы говорите, то Вы говорите о разных философиях. Вот это одна характеристика, что философия это есть философия модерна только лишь и форма самовыражения модерна, и в то же время мы это же самое обнаруживаем в эпоху модерна, но помимо модерна. И до этого, и после этого. Или если взять ту характеристику, которую Вы выделяете в философии, то есть философия модерна для Вас была соединена с наукой, и именно таким образом она могла эмансипироваться, но, тем не менее, в конце концов Вы ее связали со свободой. Но возьмем даже те формы философствования, которые как будто бы были антимодернистскими — Соловьева, Бердяева тех же самых — они же говорили о свободе и на языке свободы и ориентировали свою философию, в особенности, у Бердяева... Вот как это соединить? Может быть, все-таки при том, что вы утверждаете единственность философии, этих философий много?

И еще один вопрос, который, может быть, избыточен здесь, связан с моим смущением от того, что Вы говорите и о новом времени, и о модерне. У вас в начале прозвучало, как бы нам на русском языке сказать такие слова как «демократия» или «прогресс». Но если мы говорим «модерн», то значит — модерн, а если «Новое время» — то новое время. А как эти два концепта соединяются? очень трудно сказать, потому что начало модерна совпадает с нашим новым временем. Но в западном мышлении модерн как *Modern Times* продолжается до нашего времени, поэтому возникает идея постмодернизма. А в нашем сознании историческое новое время имеет определенный совершенно конец, и он существенно дальше отстоит от нас, чем то завершение модерна, которое ассоциируется с постмодерном.

Меркулов И.П. — У меня такой вопрос. Существует или это абстрактная идеальная культура, с твоей точки зрения, которая не связана с существованием конкретных групп, этносов?

Касавин И.Т. — Вадим Михайлович, я с большим интересом и удовольствием выслушал Ваш доклад, с многими тезисами которого я согласен, но у меня возникло много вопросов, я ограничусь только

одним. Тезис о природе философии, как опыте автономного творческого существования мне тоже очень близок. Но возникает вопрос — а что это, только дифференция, специфика философии? Скажем, многие художники, поэты согласились бы с тем, что вообще это их характеристика искусства. А что касается ученых, спросите условно Нильса Бора какого-нибудь... Он бы вам сказал — ну, вот это в точности характеризует мою научную деятельность. Вот это первое, связанное с этим тезисом.

Второе. Не кажется ли Вам, что этот тезис о природе философии контрастирует с тем привычным ее определением как любви к истине? Ведь философ любит не себя самого, а нечто, находящееся за пределами философии. И мы знаем из истории культуры, что философия всегда ориентировалась на какую-то форму сознания. Каждая эпоха в философии характеризуется именно этим. Вы уже говорили это применительно к модерну. Но мы знаем, что в античности это была политическая мысль. Мы знаем, что в средних веках это была религиозная мысль, на которую ориентировалась философия. Постмодерн в значительной мере характеризуется своей ориентацией на искусство. Короче говоря, тезис об автономности философии не противоречит ли пониманию философии как любви к истине, как к тому, что находится за пределами философии?

Гусейнов А.А. — Могу добавить к первому вопросу. Вот у нас академик Нерсисянц выпустил книгу. Она называлась «право — математика свободы», то есть он право истолковывал как институт свободы. Тот же Гегель, о котором ты говоришь, он же называл историю прогрессом познания свободы, но не философию. Правильно, да? Владимир Натанович Порус, пожалуйста.

Порус В.Н. — Вадим Михайлович, я попытаюсь в короткую формулу зажать свой вопрос. Существует ли позитивный ответ на вопрос о том, что есть знание свободы. В другой формулировке это звучит так — как совместить два тезиса — философия есть самосознание свободного человека, и второй тезис — существует философское знание.

Гусейнов А.А. — Рубцов Александр Вадимович, пожалуйста.

Рубцов А.В. — Вадим, я хотел вернуться к тезису о том, что мы так и не дожили до модерна. В связи с этим у меня вопрос такой — а что нам мешает рассматривать XX век в России, скажем, три четверти первые его, вместе со всей эпопеей коммунистического строительства как сугубо модернистский проект, а в ряде отношений, скажем, в части социального конструирования и так далее, как такой модернизм, как многим даже и не снился?

Келле В.Ж. — Я хочу продолжить вопрос Рубцова насчет модернизма и антимодернизма. Вадим Михайлович, Вы сказали, что российская культура и русская культура антимодернистская. Но

антимодернизм — это очень широкое... Что означает антимодернистская? Алексей Михайлович был антимодернистом, царь, или не был. Петр тоже был антимодернистом. И так далее. Есть разные антимодернисты. Поэтому надо как-то сузить это дело. Что я хотел здесь еще добавить? Вообще говоря, модерн начинается с возрождения. Я не беру предшествующую античность. две вещи возрождение ввело в жизнь, заложило основу вот этой техногенной цивилизации. Первое — свободная творческая личность, личность, имеющая право на творчество. И второе — это признание, легализация инноваций, нововведений. Легализация нововведений, что меняло вообще тип цивилизационного развития. Или цивилизация живет за счет того, что она неподвижна, неизменна, и всякое изменение ее разрушает. Или стабильность цивилизации в развитии общества связана с тем, что оно развивается. Поэтому нововведения необходимы. Антимодернизм в России в чем? Что она не имеет творческой личности свободной на протяжении всей своей истории, и она всегда препятствовала всяким инновациям? Или что-то другое? Поясните это.

Степанянц М.Т. — Во-первых, я хотела сказать, что меня ужасно обрадовало... то есть я знала, что Межуев есть и я его не слышала, но все-таки что он такой живой и мыслящий. Меня поразило, например, как он воспринял доклад Ваттимо и его позицию, хотя из того, что говорил Ваттимо, понять невозможно ничего было. И тем не менее ты совершенно...

Межуев В.М. — А я еще прочитал его доклад в интернете!

Степанянц М.Т. — А, тогда другое дело. Потому что я поразились, откуда ты так точно уловил его кредо философское. Но вопрос мой заключается в следующем. Мне кажется, что есть противоречие между началом и концом твоего доклада.

Межуев В.М. — Начало я написал, а конец сымпровизировал!

Степанянц М.Т. — Противоречие это заключается в том, что ты говоришь о том, в середине, что существуют разные культуры. Ты это признаешь. Но если существуют разные культуры, то возможны и разные философствования. Ты же свел понятие философии, как мне кажется, ты его не только отрезал исторически от всей истории прошлого, но ты его сузил и географически, цивилизационно. Правильно? Я думаю, что это неоправданно.

Смирнов А.В. — У меня очень короткий вопрос — является ли акт выбора, о котором вы говорили, во-первых, надкультурным, и во-вторых, культурно нейтральным?

Гусейнов А.А. — Спасибо. Я думаю, что достаточно. И, в сущности, я не видел ни одного вопроса, который в классическом смысле является вопросом и который бы не был скрытой полемикой, какой-то репликой, заявлением другой позиции. Поэтому, пожалуйста, Вадим, у тебя есть время ответить.

Межуев В.М. — Прежде, чем кратко ответить на поставленные вопросы, хочу зачитать маленькую выдержку из Жака Деррида. Ему пришлось сделать в штаб-квартире ЮНЕСКО доклад на тему «Глобализация, мир и космополитизм». И ему дали 20 минут. После того, как он поблагодарил за право выступить, он сказал буквально следующее. Выполнить сложную и крайне насущную задачу высказаться по поводу понятия «глобализация, мир и космополитизм», которые стоят на повестке дня настоящего заседания, в течение 20 минут — 7 минут о глобализации, 7 о мире и не больше 6 о космополитизме — перед широкой, разносторонней и требовательной аудиторией - это огромный риск, если не сказать пытка, которой бы не следовало подвергать людей, особенно в этой среде. И чуть ниже добавил — никто, особенно тот, чьей профессией является философия, не должен навязывать человеку задачу, подобную этой. И поэтому неизбежный провал, который меня подстерегает... на этом он обрывает фразу. Я - не Деррида, но испытываю примерно те же чувства. Но, конечно, попытаюсь очень коротко ответить на те вопросы, смысл которых я понял.

Вопрос Пиамы Павловны по поводу античности. Я никак не мог утверждать, что философия родилась только в Новое время. Она не родилась, а возродилась после того, как в течение всего Средневековья существовала в прямой зависимости от богословия. Рождение философии, как все знают, прямо связано с рождением греческого полиса — первой и самой ранней формы демократии. По словам Вернана, философия — дитя полиса. Мы знаем, что полис — это прежде всего пространство публичной дискуссии, публичного диспута и принятия каких-то согласованных решений. С этого, на мой взгляд, и начинается модерн. Греки были первыми провозвестниками модерна. Модерн — это то, что отличает Запад от Востока. Запад в отличие от Востока не знает раз и навсегда установленной истины. На Востоке были мудрецы и пророки, которым истина дарована свыше. Потому они так легко уживались с тиранами и деспотами, которые всем другим отказывали в праве на собственное мнение. Философия, как я понимаю, возникает в ситуации незнания истины, ее сокрытости от человека. Философ — не знаток, а друг истины. Единственный путь к истине для него - это путь диалога, требующий доказательного мышления и красноречия. Философия - форма не монологического, а диалогического мышления, когда ни у кого нет монополии на истину. Философия и родилась как способность человека мыслить в свободе. С права на свободную мысль и начинается модерн. Его начало следует искать в политике и философии, а не в экономике. Из идеи философского диалога как сути отношения людей в полисе в Новое время родится идея общественного договора - основа правового сознания Запада. Проще говоря, только там, где люди переходили от

тирании к гражданскому обществу, наблюдался и расцвет философии. Философия есть служанка не богословия или науки, а индивидуальной свободы. Так было в Античности, так было и в Новое время. А там, где философия становилась на службу власти — не важно какой, церковной или государственной, она переставала быть самой собой. Только это я и хотел сказать.

Вопрос Поруса: как возможно философское знание о свободе? Философ не просто мыслит свободу, а мыслит в свободе, или свободно мыслит. Свобода в понимании Аристотеля и Платона - это образ жизни философа, равно как политика и художника. И состоит она в способности посредством мышления (созерцания), деятельности или поступка выходить за пределы чувственного, изменчивого и подвижного мира, всего, что находится во власти времени, в мир вечных – материальных или идеальных – субстанций, над которыми время не властно. То, что ты называешь философским знанием о свободе, на мой взгляд, есть не просто знание, подобное научному – объективному - знанию, а представшее в форме знания философское самосознание, выражающее присущий данному времени (данной культуре, народу) способ жить в свободе. Разные философа мыслили ее поэтому по-разному, определяя в соответствии с этим задачу и своей собственной философии. Тот, кто, подобно Гегелю, отождествлял свободу с знанием, причем абсолютным, задачей своей философии считал достижение такого знания. Тот же, кто считал абсолютное знание в принципе недостижимым, усматривал индивидуальную свободу в отрицании власти над ним какого-либо абсолюта, видел свою философскую задачу в критике любого знания, коль скоро оно претендует на абсолютную истинность. Ты занимался Поппером и лучше меня знаешь, что свобода для него означает фальсификацию, опровержение любого рационально выстроенного суждения. Отсюда не следует, что только философия делает человека свободным, а следует только то, что свобода человека, как она практикуется и переживается им в данный период времени, рационально осознается и выражается только на философском языке. Другого рационального языка у свободы в европейской культуре нет. Язык религии и науки не является таким языком. Именно по тому, как философ видит и реализует свое понимание философии, можно судить о том, чем для человека его эпохи является свобода, что она значит для него.

На остальные вопросы я, наверное, уже не успею ответить.

Гусейнов А.А. — Спасибо большое Вадиму Михайловичу. Мне кажется, Вадим Михайлович в оптимальной форме реализовал замысел наших вот этих докладов, ибо он нам рассказывал не о том, что такое философия, а о том, как он понимает философию.